

18+

Николай Солярий

*Черная
голубка*

Николай Солярий

Черная голубка

«Издательские решения»

Солярий Н.

Черная голубка / Н. Солярий — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-853685-4

Читатель вместе с героями рассказов Николая Солярия переживает, радуется, удивляется всему многообразию окружающего мира. Герои его рассказов — это не схемы, это живые люди. Потому так сильны сопереживания читателей, чувствующих в его рассказах биение пульса настоящей жизни. От рассказа «Сахарок» до откровенной буффонады «Синий лён». Особой глубиной отличается рассказ-притча «Каин» — история страсти, перешедшей в безумие, когда преступление становится нормой, когда человек лишён души.

ISBN 978-5-44-853685-4

© Солярий Н.
© Издательские решения

Содержание

Сахарок	6
Едри твою мать	17
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Черная голубка

Николай Солярый

Для связи с автором e-mail: nsolyri@yandex.ru

© Николай Солярый, 2017

ISBN 978-5-4485-3685-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Сахарок

Из всех природных и рукотворных чудес степного Алтая нельзя обойти вниманием посёлок, раскинувшийся в трёх километрах от Алейска на берегу реки Алей, получивший своё официальное название от расположенного там сахарного завода. Местные власти, не обременяя себя фантазией, дали ему имя Сахарный завод. Но народу, полюбившему этот оазис в степи, пришлось по душе другое название, которое прижилось и звучало от всех – от местных и приезжих – Сахарок. Трёхкилометровая дорога, связывающая через степь Алейск с Сахарком, была удивительно красивой: по всей её длине с обеих сторон в ряд росли высокие тополя, стволы которых были побелены известью. Зимой деревья служили снегозадерживающим щитом. Метели и бураны в феврале и марте были здесь настоящим бедствием, порой просто парализовали передвижение людей и транспорта на несколько недель.

Кусочками извести были также отсыпаны края дороги, украшая её словно белыми лентами. В посёлке было побелено всё: дома, сараи, заборы и штaketник, потому как извести было здесь в избытке: она применялась в сахарном производстве и завозилась сюда в огромном количестве. Посёлок от такой побелки выглядел чистым и опрятным и своей белизной ещё раз подтверждал своё название Сахарок. Все трудоспособные жители посёлка были заняты на производстве сахара. Других предприятий здесь не было и всё казённое тут принадлежало сахарному заводу – восьмиквартирные двухэтажки (их было десятка полтора) и бараки для депортированных немецких и эстонских семей. В общем, всё – от туалетов до артезианских колодцев – было заводским. Хотя завод здесь был сахарным, но жизнь сладкой не была, потому как наступила зима сорок третьего года.

Но мне бы хотелось вернуться в недалёкое прошлое, в довоенные годы. Тогда Наташа – гордость своих родителей – заканчивала учёбу в техникуме общественного питания по специальности «химик-технолог сахарного производства». Ждала она этого дня, как ждёт малоимущая семья аванс или получку, подсчитывала каждый день, только что в календаре дни крестиком не перечёркивала. Очень по отцу с матерью и родному Барнаулу соскучилась. Она с самого начала знала, что распределение у неё будет туда, откуда была направлена на учёбу, и ни о каком другом месте даже не помышляла. Но в жизни произошёл неожиданный поворот – влюбилась наша Наташа, и в кого? В своего сокурсника, которого раньше не замечала, и произошло это не на вечеринке и не в парке на танцах, а в том месте, где, казалось, влюбляться категорически запрещено. На комсомольском собрании.

Разбирали тогда поведение одного студента и ставили вопрос о пребывании его в комсомоле. Ситуация складывалась таким образом: ни в чём не повинный студент страдал из-за своей матери, которая с колхозного поля стащила шесть вилок капусты, может быть, и больше, потому как при обыске нашли только шесть кочерыжек, а капусты было заквашено половина кадушки. Стало быть, остальные кочерыжки мог сгрызть студент со своими двумя сестрёнками. Следствием не было установлено, сколько вилок было искрошено в кадушке, и мать осудили по количеству кочерыжек на шесть лет лагерей. Студенту предлагалось сказать правду, сколько же в самом деле было кочерыжек. Сначала с его осуждением выступил весь комсомольский актив, затем предложили высказываться по этому поводу присутствующих в зале. Были слышны слова: «Позор, таким не место в комсомоле». И тут, как гром с ясного неба, поднялся с места его сокурсник Ищук Андрей и ораторским голосом, с пылающим взо-

ром, размахивая рукой, сжатой в кулак, встал на защиту обвиняемого студента, охарактеризовав его так, что тому хоть сейчас на грудь медаль вешай. Он рассказал, что прожил с ним в одной комнате два года и никогда, и никаких краж у них не было, а то, что парень – настоящий комсомолец, так именно он подговаривал сокурсников бежать в Испанию бить фашистов.

А к произошедшему с его матерью он не причастен, т.к. полгода не ездил домой, и он ему сам говорил, что капусту не любит, а предпочитает есть картошку.

Наташа, затаив дыхание, смотрела на Андрея и видела в нём человека с большой буквы. Как она раньше не обращала на него внимания? Ведь этот Андрей Ищук настоящий рыцарь, о каком она мечтала, и чтобы его не потерять, она тоже поднялась и закричала на весь зал: «Правильно Ищук говорит: никто лучше него не знает своего товарища, а мы должны верить ему, потому что Андрей настоящий комсомолец!». На этом её голос сорвался на самый верхний регистр, кровь прилила к её щекам, и она села, залившись краской.

– Андрей, признаться, не ожидал такой поддержки, он посмотрел на Наташу и пришёл к выводу: «Вот это дивчина! Мы непременно должны быть вместе».

Собрание закончилось не в пользу комсорга: студенту не объявили даже выговор и не поставили на вид. Наташа и Андрей вместе покинули зал собрания, уже на улице их догнал тот самый реабилитированный студент с красными глазами и распухшим от слёз носом, прижав руку к сердцу, поблагодарил обоих за поддержку. Наташа спросила студента:

– Как же теперь твои сестрёнки?

Отца у нас давно нет. Сестёр в детский дом сдали, но вот только диплом получу, обязательно их отыщу и заберу к себе. Вы, ребята, молодцы, если бы не вы, не знаю, чем собрание закончилось. – Ему очень хотелось пойти с ними, но, понимая, что он тут лишний, оставил их.

Они шли молча, не зная, что сказать друг другу.

Первым заговорил Андрей:

– Ты смотрела кино «Весёлые ребята»? Вот хохотайка, – и стал рассказывать ей кинофильм.

Наташа заразительно смеялась, хотя этот фильм смотрела раза три.

– А давай завтра в кино ходим? – предложил Андрей.

– Давай ходим, – согласилась Наташа.

Они ходили в кино, воскресенье гуляли в саду Сталина, слушали духовой оркестр. Первый раз поцеловались через неделю и тогда же решили, что не расстанутся больше никогда.

Но расставание было не за горами; через пару недель вручат им дипломы и разъедутся они по родным местам, туда, откуда получали направление на учёбу. Наташе уже не хотелось возвращаться в родительский дом, и она с тоской смотрела на календарь, который быстрее обычного приближал день разлуки. Примерно такое же чувство было и у Андрея; он не собирался с этим мириться и, остановив в коридоре кого-то из преподавателей, входивших в комиссию по распределению, со свойственной его характеру прямоотой, не лукавя, обратился к нему:

Что нужно сделать для того, чтобы любимую девушку не разлучали с любимым парнем и направили их на работу в одно место?

– Пожениться им нужно, – ответил тот.

Андрей побежал к Наташе и рубанул сразу с плеча:

– Наташа, мы должны расписаться в загсе, иначе тебе не видать распределения со мной на Сахарок.

Наташа никак не ожидала, что в такой форме ей будет сделано предложение, эти слова её словно осыпали песком. Она почувствовала себя оскорбленной; от Андрея в мечтах она ждала рыцарского признания, ведь она об этом много читала и представляла себе, что и у неё будет всё как в романах: цветы и избранник перед ней на коленях. Ну, может быть, на коленях не обязательно, но слово «люблю» должно было прозвучать! Конечно, когда они целовались, он говорил ей, какие у неё вкусные губы и шёлковые волосы, и тогда она чувствовала себя принцессой, но это были всё-таки не главные слова.

Наташа ответила сдержанно:

– Что значит – расписаться в загсе? Я замуж не собираюсь, меня ждут родители в Барнауле.

– Как же так? – опешил Андрей. – Мы с тобой об этом то и дело говорили, и тут так резко всё переменялось. Что произошло, объясни?!

– Чего здесь объяснять? Сам не глупый, догадайся! – Наташа повернулась и пошла в общежитие.

Андрей же остался стоять на месте, огорошенный поведением Наташи. А та только зашла за угол дома, как бросилась бежать в общагу и, оказавшись в своей комнате, упала на кровать и принялась рыдать в подушку. Как же так? Парень, в которого она была влюблена, повел себя с ней так грубо, по-мужицки.

Рыдания скоро закончились, но слёзы обиды продолжали стекать по щекам, пропитывая белую наволочку. Время шло к вечеру. Но правду люди говорят – время лечит. Наташа успокоилась и стала бранить уже себя за поведение. Все-таки зря она так резко обошлась с Андреем, ну подумаешь, сказал не так. Откуда ему знать, как это делается, он рано остался без родителей, жил со старшей сестрой, а с той какой спрос, она ведь не рыцарь, обыкновенная малограмотная женщина, по сей день не замужняя, свою-то жизнь устроить не может. Зато Андрей такой правильный, честный, добрый, справедливый, милый, красивый и целуется так хорошо, что прямо ноги отнимаются. Мне бы, дура, радоваться, что он замуж меня позвал. Ну подумаешь, не в такой форме, как мне хотелось, верно мне мама говорила: у меня завышенная самооценка. Если разобратся, я его мизинчика не стою. Теперь он обиделся и больше не придёт.

И от мысли, что Андрей никогда ее больше не обнимет, Наташа снова залилась слезами.

– Что же происходило с Андреем после расставания с Наташей? Он сидел на скамейке возле техникума, сдавив виски кулаками.

«Вот оно что, у неё есть парень в Барнауле. Она наверняка была с ним в ссоре, а теперь получила от него письмо. Он просит у неё прощения и ждёт её. Она его простила, потому что любит и хочет быть с ним. Может, даже у них были близкие отношения. Выходит, она лгунья, а мне говорила, что первый раз целуется. Нет, мне сейчас нужно непременно закурить. У кого-то надо стрельнуть папироску или лучше купить пачку и выкурить всю».

Поднявшись со скамейки, Андрей направился в гастроном и вышел оттуда с пачкой «Севера», коробком спичек и, как делают все, курящие папиросы, оторвал сверху от пачки маленький квадратик картона, ногтём выковырнул оттуда папиросу, дунул в мундштук и весь табак из папироски вылетел на землю. Но эти неловкие приёмы, свойственные некурящему, ему можно было простить, потому что делал он это впервые. Но курил сейчас Андрей по-настоящему, как все мужики, взятяг, доставая одну папироску за другой и выкуривая их до самого мундштука. И хотя курил он усердно, на душе легче не становилось. Его воображение рисовало гнусные картинки: смеющаяся Наташка на руках у какого-то парня и всякие глупости, не достойные пересказа.

Тогда-то Андрей понял, какая это жуткая штука – любовь. Он представлял себе, что это радость и счастье, а на деле вышло, что это самое настоящее наказание, и если бы он сейчас курил не табак, а какой-нибудь мышьяк, ему бы легче не стало. В голове крутилось одно и то же: как она могла предать наши чувства, почему я не разглядел её сразу. Ну, теперь-то я знаю женщин, теперь я в жизни ни к одной не подойду. И вообще они все противные, бегают как-то не так, не по-нашему и камни кидают как-то по-другому, из-за головы. Мне бы ещё раз посмотреть на неё, заглянуть в её голубые глаза, разглядеть её курносенький носик и хорошо бы поцеловать в последний раз, а потом повернуться и уйти навсегда. И пусть едет в свой Барнаул, к этому своему гаду. Сам я к ней не пойду, захочет, пусть сама приходит.

Немного ещё посидев, перебирая мысленно разные пессимистические версии их дальнейших отношений, Андрей решил: она не придёт. Идти нужно самому, и прямо сейчас. Он поднялся и, покачиваясь, пошёл в сторону девичьей общаги. Лицо его от выкуренного табака было зелёным, в пачке оставалась всего одна папироска. Пройти в общежитие через вахту было нереально, кроме вахтёра за входом наблюдала воспитатель, и ей через открытую дверь каби-

нета хорошо был виден проход. Пришлось попросить какую-то девчонку из этого общежития, чтобы та вызвала Наташку из двадцать второй.

Девчонка, заглянув в двадцать вторую комнату, крикну – Наташка, иди, тебя там какой-то больной вызывает.

– Какой ещё больной?

– Сходи да посмотри, внизу стоит, зеленее крокодила. Вроде с вашего курса.

У Натальи мгновенно мелькнула мысль: «Это Андрей, он болен».

– А дальше никаких мыслей, она стрелой пролетела по коридору на выход и не ошиблась – на крыльце стоял её сердеед с зелёным оттенком на лице.

– Андрюшенька, что с тобой? Милый, ты болен? – и бросилась к нему.

Андрей сам поначалу подумал, что Наталья не здорова, её распухшее от слёз лицо было мало узнаваемым.

– Ты вот что, Наташ, собралась ехать к своему – езжай, но знай, я буду тебя помнить, а теперь прощай и ещё давай я тебя в последний раз поцелую.

– Целуй, Андрюшенька, целуй меня всю жизнь. Не пойму только, о каком «своём» ты говоришь?

– Об этом, который письмо прислал из Барнаула.

– Никто мне писем не присылал. И нет там у меня «никаких своих», кроме родителей и маленькой сестрёнки.

От этих слов Андрей будто проснулся.

– Как мне тогда понимать твой отказ?

– Дурачина ты, Андрюшенька, настоящий, от обиды я такое сказала. Ждала я, когда ты скажешь «люблю», а ты меня словно на уходящий трамвай торопил, нельзя ведь так.

– Прости, любимая, давай я это слово буду говорить тебе каждый день с утра до вечера? Понимаешь, я ведь всё могу сказать, а вот это слово у меня почему-то в горле застревает, не знаю я, почему оно такое трудное, стесняюсь я его, что ли.

Прижав свои губы к её уху, быстро заговорил:

– Я люблю тебя, люблю, люблю, люблю – и так повторял он раз за разом.

От этого у Наташи кружилась голова, и счастливее её не было никого на свете.

– От тебя пахнет табаком, – говорила она. – Ты, наверное, курил?

– Ну, надо же когда-то начинать. – После этих слов тошнотворный комок подкатил к горлу, и не успел он отбежать от Наташи и пяти метров, как его, бедолагу, вырвало прямо на газон. Последняя папироса в пачке ему больше не пригодилась. После такого засилья табачного дыма в его организме вредная привычка курить пропала у Андрея надолго. В следующий раз он закурит только после войны.

После регистрации своих отношений они решили сыграть комсомольскую свадьбу. На свадьбу, конечно, это было мало похоже. Правильнее сказать, провели вечеринку, на которой присутствовали трое парней из комнаты Андрея, среди которых был и тот самый студент, мать которого пострадала за капусту. Он принёс молодым большущий букет пахучей черёмухи. Ещё пришли три девушки, проживавшие в одной комнате с Наташей. Они были тоже с цветами: оранжевые огоньки, принесённые из леса, прекрасно сочетались с белой черёмухой. Их поставили в банки с водой и разместили по центру стола. Ещё на столе было две бутылки красного вина.

Количество вина проконтролировала воспитатель из их общежития, предупредив всех, чтобы сие мероприятие проходило без шума, но стоило ей выйти из комнаты, как на столе появилась до этого спрятанная в подушку третья бутылка, и все захлопали в ладоши. Также на столе была порезанная толстыми ломтями колбаса, шоколадные конфеты в фантиках и большая сковорода жаренной на сале картошки.

Той же воспитательницей был выделен граммофон с тремя пластинками, за сохранность которых отвечал сам Андрей, клятвенно заверивший воспитательницу, что сохранит их в целости. Граммофон поставили на тумбочку, а пластинки, чтобы, не дай бог, не разбились, разложили на кровати. Одна из пластинок была с нетанцевальной музыкой «Ревела буря, гром гремел», но всё равно ей были рады и за вечер прослушали несколько раз. Воспитатель проинструктировала, как нужно пользоваться аппаратурой:

– Главное тут не перекрутить пружину.

Но самым главным было то, что щедрая воспитатель позволила молодым провести первую брачную ночь вместе в гостевой комнате, которую предоставляли приезжающим проводить своих чад родителям. Подарками для новобрачных стали книги, по количеству гостей их было шесть. Две повеселевшие от вина девушки пошли танцевать первыми, оставив подружку в одиночестве с тремя парнями, а те не могли решиться её пригласить, пока не выпили ещё, и только когда захмелели, вышли на круг все. Разлучив подружек, разбились на пары. Устроили перерывчик между танцами, хором запев всем известную и любимую песню «Бежал бродяга с Сахалина».

Но и нельзя, конечно, не отметить, какими поцелуями отвечали новобрачные на призыв гостей «Горько!». Вначале были только прикосновения губами, сопровождавшиеся лёгким покраснением щёк и ушей. Очевидно, что от выпитого спиртного, время продолжительности поцелуя стало увеличиваться, а контакт между губами становился крепче. И к финалу свадьбы, уже освоившись и потеряв стыд, на зависть гостям они сливались в поцелуе крепко и надолго.

Утром им пришлось разойтись по своим комнатам в разные общежития, поскольку в техникуме не были предусмотрены семейные общаги. Развели их ненадолго, всего-то на три дня. Они оба получили распределение на родину Андрея, в посёлок Сахарный завод.

Сойдя с поезда в Алейске, они на попутке добрались до окраины города, а оттуда по той самой трёхкилометровой тополёвой аллее, окаймлённой по краям белыми известковыми лентами, пошли на Сахарок, несколько раз останавливаясь в пути для поцелуя. Андрей, глядя в лучистые глаза Наташи, сказал: «Не жизнь у нас с тобой будет, Наташка, а сахарок». Радостно было на душе, у них начинался новый этап в жизни: семья и работа. Всё это им представлялось в радужном свете.

Первой серой полосой в жизни Наташи стала её золовка, старшая сестра Андрея. Им пришлось жить вместе, другого жилья у них не было. С первых же дней золовка невзлюбила её не понятно за что – то ли от ревности к брату или от того, что ни с кем не хотела делить родительский кров, в общем, ходила и бурчала, всё ей было не так и не по ней. Андрей успокаивал Наташу, что всё скоро наладится: «Встанем в профкоме на очередь, и нам, как молодым специалистам, дадут квартиру в строящихся домах. Потерпи немножко».

Сам Андрей даже повысит голос на сестру не мог, она всё-таки заменила ему родителей, много сделала для него. Когда Андрей подавал заявление на квартиру, то устно объяснил председателю профкома причину, по какой ему было необходимо жильё:

– Сам не пойму, что с сеструхой происходит? Сварливой какой-то стала.

Чего тут не понять, мужика ей надо, и всё, – убедительно сказал председатель. – С её-то внешностью, конечно, проблема. Мы не рассчитывали, что вам квартира понадобится, и в план вас не внесли, но через годик, глядишь, что-нибудь прояснится.

Не всё уж так плохо было в молодой семье, вскоре началось приятное и волнующее ожидание.

Как-то Наташа, выходя со двора, вдруг почувствовала слабость и головокружение. Всё перевернулось. Небо с землёй поменялись местами, и она упала, только не вниз, а вверх на землю. Соседки, судачившие о чём-то через дорогу и ставшие свидетелями этого падения,

поспешили на выручку. Одна приподняла ей голову, а другая приложила ухо к груди, пытаясь прослушать стук сердца. Бледная Наташа приоткрыла глаза и с трудом вымолвила:

– Тошнит.

Диагноз соседками был поставлен моментально и точно:

– Мальчик будет.

И не ошиблись ведь: весной родился мальчонка, да такой хорошенький, бутузик просто. Радости не было границ, сварливая золовка и та светилась, как вымытая тарелка. Чего уж говорить об Андрее – он пил, пел, плясал и даже пытался сочинять стихи:

У меня родился сын,
И теперь я не один.
Он и справен, и хорош,
На меня чуть-чуть похож.

Тут сами понимаете, почему лавры А. С. Пушкина его миновали. Но вот порой проще сочинить такие великие строки, чем дать имя младенцу. На это ушло почти девять месяцев, пока Наташа ходила беременной и четыре дня после родов. Родители решили: имя у первенца должно быть необыкновенным. Перебрали имена знаменитых деятелей, всех святых, полководцев и богатырей. Имя сыну должен давать отец – так кто-то решил из знакомых. Отец размышлял: если мы оба с Наташей химики, стало быть, в честь Менделеева надо назвать Дмитрием, а лучше каким-нибудь элементом из его периодической таблицы. Может быть, Ферум? А что, железное имя.

У Наташи от этого предложения чуть было не пропало молоко, и тогда она сама вынесла вердикт:

– Будет Андреем Андреевичем.

Оспаривать никто не стал.

Золовка сказала:

– Наконец-то, а то у меня от этих имён уже шарики за ролики заходят.

Так и записали младенца в метриках: Ищук Андрей Андреевич.

Самой приятной забавой для молодых родителей было купание младенца. Эта процедура у них была нарасхват, только и слышно:

– Ты вчера купала, сегодня моя очередь.

Наташа вторила:

– Ты купать не умеешь, головку ему неправильно поддерживаешь, сначала у меня поучись, потом уж и купай.

Андрей не сдавался:

– Вот родится девчонка, купай её сама хоть сто раз на дню, а сына отец должен, я в домоводстве читал.

Наташа не хотела сдавать свои позиции:

– Что-то я такого в домоводстве не видела.

– А я в библиотеке книжку брал, так и называется «Отец и дитя».

– Читала я эту книжку, только она называется «Отцы и дети», и не припомню я, чтобы Тургенев Иван Сергеевич чего-то там о купании младенцев писал.

– Да я не про эту книжку говорю, там другая была.

Вот так, препираясь, они вместе переходили к водным процедурам Андрюсика. Обмакнув свой локоть в воду, Наташа определяла температуру воды, и, если она не соответствовала нужной, Андрей подливал из ковша холодную или горячую и после сам макал свой локоть в корыто, сделав заключение, что вода в норме. На воду клали свёрнутое полотенце, а уж затем укладывали на него сыночка. Ребёнок, разомлев в тёплой воде, улыбался беззубым ртом и дры-

гал ножкой. Родители от этого просто визжали, улюлюкали над ним и гугукали. После купания оборачивали Андрюсика фланелевой пелёнкой и приступали к кормлению, на аппетит ребёнка мать не жаловалась, титьку её он опустошал мгновенно. Андрей старший подшучивал:

– Гляди-ка, как приложился и мне ничего не оставил! Да ладно, мне не жалко, расти скорее, догоняй папку, а если молока хватать не будет, подкопим денежек и корову купим, накосим с тобой сена, стог выше дома поставим, залезем на него и паровоз в Алейске увидим.

Наташа, принимая этот разговор за чистую монету, встревала:

– Ну да, не пущу с ребёнком на стог, чтобы он оттуда свалился, ни за что, один лезь.

Сестрица Андрея не упускала возможность влезть в разговор:

– Корову они решили покупать. Кто за ней ходить будет, кто доить вам её станет, на меня надеетесь? Сена он накосит. Да ты хоть раз литовку в руках держал? Нет уж. Сами дитя состряпали, сами и выкармливайте, а я на работе и без вашей коровы выматываюсь. Вы-то в лаборатории сидите, а мне в бурачном цехе ишачить приходится. Прихожу домой – ни рук, ни ног не чувствую, мне отдых нужен, а они – корову.

Андрей ничего на это не ответил, только интенсивно стал трясти погремушкой перед сыном. Наташа промолчала, но подумала: «Вот начини Андрей говорить о том, что не хочет заводить корову, золовка бы сейчас говорила всё наоборот: „Корову покупать не хотите, доить не умеете, а я на что – мне всё равно после работы заняться нечем, а ты, Андрюха, здоровенный какой, тебе только литовкой махать“». Подумала так Наташа, но промолчала. Нужна им была эта корова или не нужна, они сами не знали, просто поговорили и всё. Ссоры в семье не произошло, это была Наташина заслуга, она умела выравнивать отношения с золовкой без ругани.

Через год маленький Андрейка уже бегал и лепетал. Андрей из досточек и фанеры смастерил ему автомобиль-полуторку – грузовик на деревянных колёсах с вместительным кузовом, таким, что Андрейка свободно усаживался туда, а отец за верёвочку катал его по двору, а один раз даже возил в магазин за баранками. Бабушка из Барнаула привезла Андрейке в подарок настоящую куклу, не такую, какую сшила мама из тряпок с нарисованными чернилами глазами, а настоящую, с пластмассовой головой. В общем, жили они не плохо, уверенные в завтрашнем дне, пока не прогремел в репродукторе голос диктора: «Война».

Завыли бабы в посёлке, провожая своих сыновей и мужей на фронт.

Пришёл черёд и Андрея. К тому времени многие женщины овдовели – получили похоронки. В последнюю ночь Наташа не сомкнула глаз. Обняв крепко Андрея, потихоньку плакала: что-то внутри подсказывало ей, что война разлучит их навсегда. Неравнодушной была и золовка, она успокаивала Андрея, обещала быть помощницей для Натальи и хорошей нянькой для Андрейки. Для этого она перейдёт работать в другую смену и, пока Наталья на работе, она будет приглядывать за ребёнком. Уходя на фронт, Андрей обещал почаще писать, но обещанию не пришлось сбыться, за всё время одно письмо только и прислал. За это некого было винить – шла война, письма просто не доходили до адресата, пропадая где-то в пути под бомбёжками и обстрелами.

Вначале Наташа, ещё издали завидев почтальона, начинала мысленно проговаривать: «Хоть бы к нашим воротам подошёл, хоть бы с письмецом». Но после того, как похоронки стали приносить чаще, чем письма, она стала бояться почтальона и, завидев его в окно ещё далеко на дороге, начинала бормотать: «Проходи мимо, проходи мимо, забудь к нам дорогу. Никакого письма не надо, был бы только жив. Вот придёт, сам всё расскажет, тогда уж мы с ним наговоримся, он мне на все вопросы ответит».

Почтальон и в самом деле проходил мимо, и от этого на душе у Наташи становилось спокойнее. Она была уверена, что Андрей как-то проявит себя на фронте, совершит подвиг, может, даже самого Гитлера убьёт и вернётся домой с медалью на груди. Тогда они будут сидеть, обнявшись, втроём, а маленький Андрейка будет рассматривать награду и спросит: «Папа, а ты герой?». Папа ответит как всегда скромно: «Я такой же герой, как все солдаты».

Так, мечтая, она продолжала выполнять домашнюю работу, готовила скудный обед и своё старенькое платье перешивала Андрейке на рубашонки. Для него она ничего не жалела. С зарплаты купила ему нарядный, вязанный из овечьей шерсти костюмчик и шапочку с помпоном, носочки и варежки. Таким рукоделием здесь занимались ссыльные эстонцы. Они продавали свои изделия или меняли их на продукты.

К середине зимы закончились в сарае дрова, а взять топливо было негде. Уголь, привезённый в посёлок, предназначался только для котельной завода и ни под каким предлогом не отпускался населению.

Ходила Наташа с золовкой по очереди на реку рубить чащобу. Возродили старый дедовский способ и наладили производство кизяка: перемешивали солому с коровьим навозом, резали на брикеты, высушивали его, и на месте бывших дровяных полениц выкладывали его стопками. Но вот какое тепло получали они от этого кизяка, даже теплом не назовёшь, так только, чтобы в доме вода в ведре не замёрзла. Дело в том, что печки в домах и квартирах не были приспособлены для такого топлива, плита от колосников находилась высоко, и слабо тлеющий кизяк с трудом нагревал плиту. Кастрюли поменяли на чугунки, они ближе опускались к огню, в другой посуде обед было не сварить. На электроплитку надежды не было, всю мощность со слабенькой электростанции забирал завод, посёлку оставляли только на освещение.

Вслед за холодом пришёл голод. Картошка ещё была в доме, но и та быстро убывала, так как, кроме неё, больше ничего не было. Картофель по несколько раз сортировали, оставляя самую мелочь на семена, потом стали съедать семенной картофель, оставляя на семена картофельную кожуру. Всем выдали продуктовые и хлебные карточки. Но хлеб в пекарне не выпекался, выдавали мукой по четыреста граммов на человека. На продуктовых полках магазина мышь повесилась: ни крупы, ни консервов, всё как будто метлой вымели.

С нетерпением ждали лета. Оно пришло, и народ немного ожил. Открылись у всех кулинарные способности, щи варили из крапивы и лебеды, готовили грибы, которые раньше не считались съедобными, в общем, было уже, чем червячка заморить.

У семейства Ищуков в огороде выросла большая тыква, и у золовки пропал сон. Под её подозрение попали четыре пацана с девчонкой, дети теплотехника, живущие неподалёку в казённой квартире. Эти хулиганы, как ей казалось, положили на тыкву глаз и могли её украсть. На любой шорох и шум она подскакивала, бежала к окну или сразу на крыльцо, всматривалась в темноту и кричала в огород:

– Вижу вас, стервецы!

Миловал Господь, тыква до осени осталась не тронутой. Потом её парили и раз десять варили вкусную кашу. С дровами вот только проблема никак не решалась. Географически посёлок находился в степном регионе, и надеяться на то, что полынь вырастит размером с дерево, было бесполезно.

Наташе пришла идея разобрать стайку на дрова, так уже сделали многие. Вот только загвоздка – золовка не согласится. Она всегда была против каких-либо предложений, которые поступали от невестки. На этом и решила сыграть Наташа.

Виделись они с золовкой, слава богу, редко, потому как работали в разные смены. Когда Наташа на работе, золовка дома с Андрейкой, ну а потом – наоборот. И вот когда состоялась у них мимолётная встреча, Наташа сказала так, между прочим:

Сегодня начальница моя, Инна Николаевна сказала: «Разберите вы свою стайку на дрова». А я ей: «Ни за что, этот сарайчик Андреем построенный и не мне его ломать».

Золовка ответила, как отрезала:

– Да я его сама завтра же к чертям собачьим сломаю, ни свиньи, ни коровы нет, зачем она нужна? Или сама собралась в ней жить? Не переживай, после войны он тебе еще лучше построит. Пока поживи у меня.

И ведь сдержала же слово, на следующий день вместо стайки лежала куча дров. Всю осень занимались заготовкой продуктов, в кадке засолили огурцы, засыпали в подполье картофель, насушили веники из разных трав, ягод и шиповника – заваривать из них зимой чай.

Зима пройдет, там и война закончится и всё у нас будет заживём лучше прежнего. Не только Наташа так думала все верили в скорую победу.

Под Новый год Наташа, придя со смены домой, на столе увидела раскрытое письмо – солдатский треугольник. Подошла к нему осторожно и, узнав знакомый почерк, схватила его. Прочитала с жадностью первые строки: «Родные мои Наташенька и Андрейка». Наташа не сдержалась и заплакала. Слезы застлали ей глаза, и она не смогла читать дальше, пока полностью не выплакалась. Из письма узнала, что у него всё в порядке, получил в бою небольшую царапину. Прочитав эти слова, Наташа вслух прокомментировала:

– Это он врёт, не хочет нас расстраивать, наверняка было тяжёлое ранение. – И опять всхлипнула. Письмо заканчивалось словами: «Вернусь с победой!».

Наташа снова ответила вслух:

– Ждём тебя, миленький, ждём.

Потом заново перечитала письмо, затем посадила к себе на колени сыночка и прочла ему, комментируя каждую строчку.

– Вот слушай, что пишет, любит он нас. Оказывается, герой он у нас с тобой, соскучился он по нам, переживает за нас. Он, наверно, думает, что мы не переживаем.

На следующий день она не раз перечитывала письмо всем на работе. Это письмо всё время было при ней и через три дня было порядком измято и зацеловано.

Наступил февраль, и, как обычно, начались бураны, но в этот буран снег был настолько плотным, что на вытянутой руке не было видно рукавицы. Несмотря на такой разгул стихии, работа на заводе не прекращалась, всё шло своим чередом. В обязанности сменного химика входило не только находиться в лаборатории, но и контролировать работу в цехе. Проходя мимо жестяного барабана, через который транспортировался сахарный песок для расфасовки его в мешки, Наташа задержалась, наблюдая за рабочим, который обколачивал деревянным молотком стенки барабана снаружи, отбивая от них прилипший изнутри сахар. Из горловины барабана выпал ей под ноги слипшийся комок сахарного песка. По санитарным правилам сахар, поднятый с пола, не должен идти на расфасовку, а подлежал вторичной переработке. Наташа подняла комок и положила его в карман халата, в рабочей суе забыв о нём. В конце смены, собираясь домой, поверх халата надела пальто и пошла на проходную.

В тот день на проходной вместе с вахтёром дежурил Афоня. Это был толстенный мужик лет тридцати с вечно брезгливым выражением на красном лице, от которого всё время пахло бражкой. Ну, с сахаром понятно, он его явно не выписывал, но где доставал дрожжи, история об этом умалчивает, как умалчивает и о том, почему он не на фронте. В посёлке его не любили и никто никогда не называл его полным именем – Афанасий. Даже для своих подчинённых он был просто Афоня. Из-за нехватки мужчин на производстве он занимал две должности: начальник пожарной охраны и начальник караула. Навалившись на стену, он снизу доверху ошупывал глазами выходящих через проходную работников. При виде Наташи у него загорелся глаз, как у охотника. По всей видимости, он её поджидал.

– Ишук! – окликнул он её. – Подойди-ка сюда, расстегни пальтишко.

Наташа, не ведая за собой греха, послушно расстегнула пуговицы на пальто.

– А что это у нас оттопыривается в кармане? А ну выкладывай на стол.

Наташу словно прострелило молнией, она вспомнила про сахар, поднятый из-под барабана. Кровь прилила к лицу. Она не знала, что говорить в своё оправдание и, раскрыв широко глаза, стала повторять:

– Как же так, как же так, я не специально, у меня вылетело из головы.

– Пошли в дежурку. – Указав пальцем на двух проходящих мимо работниц, Афоня командовал: – Понятые за мной, протокол составлять будем. Клади, воровка, сахар на весы

– Наташа онемевшей рукой выложила сахар на чашу весов. Афоня, заполняя протокол, глянул на весы.

Так, значит, и запишем – сто двадцать грамм. Ты знаешь, воровка, почём нынче сахарок? Сто двадцать грамм на двенадцать лет лагерей потянут. Окажешься на Колыме, передай привет от меня тамошнему начальству. Распишись вот тут, и вы, свидетели, расписывайтесь.

Все поставили свои подписи в указанном месте.

– Идите все по домам, а за тобой, как буран закончится, конвой приедет.

Наташа вышла в проходную. Ей не верилось, что это произошло с ней. «Может быть, это просто страшный сон, и я проснусь, и ничего такого не было», – думала она.

Наташа, будто ополоумевшая, стояла в проходной, не зная, в какую сторону ей идти. Затем, собравшись с мыслями, она вернулась в лабораторию, там о случившемся уже знали. Наташа стала сбивчиво рассказывать, как попал к ней этот комок, и она просто забыла о нём.

Инна Николаевна, начальник лаборатории, поверила ей и с сочувствием сказала:

– Пойду, поговорю с Афоней, должно же быть в нём что-то человеческое, может, как-то загладим это дело.

Накинув на себя пальто, она пошла на проходную. Афоня курил за столом у себя в дежурке.

Инна Николаевна без приглашения села напротив:

– Афанасий, дорогой, пойми, она не нарочно взяла этот сахар, просто забыла выложить. Ты же прекрасно знаешь, чем это для неё может закончиться, а она порядочная женщина, жена фронтовика, у неё маленький ребёнок на руках.

– Это она-то порядочная женщина? Про себя скажи, может, тоже порядочная? Видел я, как у вас из печной трубы чёрный дым валит. Заводским угольком подтапливаетесь? Я ещё к вам с обыском приду. Вместе с Ищук на Колыму поедете.

После такого высказывания Инна Николаевна поняла, что с этим вырожденком говорить не о чем. Не стала ему объяснять, что сжигают куски старой толи, ободранной с крыши хлева. Вернувшись в лабораторию, она стала успокаивать Наташу:

– Может, всё ещё обойдётся, у нас в судах есть справедливые люди.

После слова «суд» с Наташей стало плохо, произошёл обморок. Её привели в чувство, дав ей воды с успокоительными каплями. Не ощущая на улице бурана, она бежала домой и не видела больше белого света, весь мир для неё стал чёрным и горьким. Вот если бы был сейчас рядом Андрей, он выступил бы на суде, как на том комсомольском собрании, когда она его полюбила, и суд бы её простил.

Наташа зашла в дом, села у кровати спящего Андрейки, долго смотрела на него, а затем, взяв его на руки, вышла с ним из дома во двор и села на снег, уснув с ребёнком навеки.

На следующий день её не было на работе. В лабораторию заглянул Афоня:

– Что, не пришла, сбежала к родичам в Барнаул? Я туда телеграфирую, конвой её там возьмёт.

Буран утих через неделю, навалив снега выше забора, а ещё через неделю ветром выдуло во дворе застывшее тело Наташи с Андрейкой.

Она сидела окоченевшая, как будто Божья мать с младенцем на иконе. Лицо её было словно мраморным, а у Андрейки нежная кожа на лице от холода полопалась.

Хоронили их всем посёлком, такого горького плача не слышали тут никогда.

Афоню ненавидели все, а ему это вроде даже нравилось, он ходил гордым, задрав красную рожу вверх, наслаждаясь данной ему властью над другими.

О трагической гибели своей семьи Андрей Ишук узнал из письма сестры, в самом конце войны. Вот тогда-то он и начал курить. Не мог он ликовать, как все, в День Победы, для него война не закончилась. Домой в своём вещмешке вместе с сухим пайком он вёз трофейный пистолет Вальтер с полной обоймой. Приходила в голову и такая мысль, не оставить ли для себя последний патрон, но эту чёрную мысль он быстро прогнал и больше не возвращался к ней. Уже дома от сестры ещё раз услышал эту историю, но уже пересказанную со всеми подробностями.

На кладбище пошёл один. Там по дороге, почти у самых могилок стояла высоченная, вся в цветах черёмуха, под ней цвели огоньки. Андрей вспомнил букеты, когда-то подаренные им с Наташей сокурсниками на свадьбу. Наломав цветов черёмухи и сорвав огоньки, он сделал два букета, принёс их к могилам и уложил на холмики жены и сына. Раньше ему казалось, что он не умеет плакать, тут же он не смог сдержаться и, роняя слёзы на гимнастёрку, заскулил.

С кладбища зашёл домой за трофеем и отправился на завод. На проходной пропуска не спросили – понятное дело, фронтовик вернулся, ему теперь все двери открыты. Узнав у вахтёра, что Афоня ушёл в пожарку, отправился туда же. Их встреча состоялась в Афонином кабинете, пропахшем насквозь дрожжами. Афоня узнал Андрея, и его голос задрожал:

– Радость-то какая, кадры с фронта возвращаются, смотри-ка, жив и вся грудь в медалях. Что, Андрюха, посмотреть на производство зашёл?

Андрей вынул из кармана пистолет.

– Зашёл я в твоём брюхе дырок наделать и посмотреть, как оттуда брага потечёт.

Афоня только вымолвил:

– Андрюша, я тут ни при чём, указ был такой.

На этом речь его оборвалась. Были только вопль и стон. Андрей расстрелял в него всю обойму.

В последний путь провожали Афоню только старенькая мать и две пожилых вахтёрши, выделенные профкомом ей в помощь. Вечером на поминки к ней в избу заглядывала только любопытная ребятня, а она на помин души своего сына давала им по куску сахара.

Андрея лишили свободы на пятнадцать лет. Как сложилась его судьба в дальнейшем, никто не знает, в Сахарок он не вернулся. Жители посёлка помнят его и вспоминают добрым словом. Об Афоне в посёлке не принято говорить, после его ухода на заводе стало легче дышать.

Едри твою мать

Ни думала, ни гадала Людмила, что едет навестить мать не просто для того, чтобы увидеть её в последний раз, но и проводить на погост. Получила она даже не телеграмму, а просто письмо от сестры, в котором та обстоятельно описала своё нелёгкое житьё – бытё, упомянув также о матери, которая последнее время уж очень часто стала болеть: то зрение у неё, то давление, да ещё ноги мёрзнут, и с каждым месяцем вылезает какая-нибудь новая болячка. А у Людмилы как раз на этот месяц выпал отпуск и складывалось всё как нельзя удобнее.

Отпуск, зарплата, отпускные, у дочери каникулы, и сезон такой – в огороде делать нечего, а причина уважительная – давно в родном доме не была и уже забыла, когда сестру с мамой видела. Если взять билеты в плацкартный вагон, это всё пройдёт безболезненно для семейного бюджета. Остаётся мужа убедить, чтобы отпустил её с дочерью. Абсолютно не сомневалась, что отказа ей в этом не будет, потому что она знала, с какой стороны подойти к Мишке. Она знала все его слабые места, даже те, о которых сам Мишка не догадывался. Применяя свою женскую хитрость, всегда виртуозно пользовалась этим. К примеру, завалился забор в огороде, а мужу до него никакого дела нет, он лучше десять раз мотоцикл свой разберёт и соберёт, чем столбик гнилой заменит. Людмила тогда соседке и говорит, да так, чтобы муж слышал: «Мишка у меня золото, по дому всё делает, сарай вон какой построил, стеллажи смастерил, пол застелил, два раза о чём-то просить не надо, не нарадуюсь на него, настоящий хозяин».

Михаил от услышанного даже распрямлялся, выставляя грудь вперёд и, забыв про ужин, шёл в огород восстанавливать забор.

Подобных приёмчиков Людмила знала больше десятка. Мужа она принимала со всеми его слабостями и недостатками. Серьёзных ссор в доме не было, если и возникали скандалчики, так это из-за Мишкиного увлечения – проклятушего мотоцикла, который в нужное время всегда ломался. В супружеских изменах муж замечен не был, но вот дверь в сарае, в котором стоял мотоцикл, с внутренней стороны вместе с автомобильными этикетками обклеил красивыми бабами в купальниках из журнала мод. Это Людмилу настораживало и наводило на размышления: «Смотри-ка, интересуется. Мужики, конечно, все кобели, но, не дай бог, и мой такой же». На эту тему у них даже разговор был, непонятно с чего начавшийся, скорее, так, без особой причины. Просто поболтать захотелось. Наверное, в каждой семье когда-нибудь происходили подобные беседы, ну а как иначе. Людмила тогда ему сказала, что, если узнает об измене, ничего не скажет ему, а просто ночью, когда он будет спать, обольёт его харю кипятком. На что получила ответ: «Ну, ты и дура». Больше к этой теме они не возвращались.

Было ещё о чём поговорить. Ненавидела она два, казалось, радостных события в месяце: это мужнины аванс да получку. Конечно, абсурдная ситуация, могли бы эти дни быть до конца радостными, если бы Мишка не приходил в эти дни домой с пол-литрой. Вроде бы, ну что такого, мужик выпил, так нет, ведь водку свою проклятушую он закусывал солёными огурцами, причём нарезанные не признавал. Мишка любил откусывать от огурца, зажав его целым в кулаке, и этим же кулаком стучал себе в грудь, высказывая ей обиды на своё начальство; оттого вся рубашка и стол были забрызганы рассолом. А на трезвую голову у него была весома отговорка: «Не нравится – буду обмывать зарплату после работы с мужиками». Подумала Людмила над его словами, пожалуй, правда, пусть будет как есть. А в остальном было у них согласие, и относились они друг к другу с терпением и пониманием. Хотелось бы о любви сказать, да какая уж тут любовь, за одиннадцать-то лет вместе чувства поостыли, одна привязанность осталась.

То, что Людмила была порой излишне экономной, Михаила особо не задевало, всё-таки расходовала она деньги правильно, по назначению, все были сыты и одеты. Заначку он свою имел, так как без неё пропадал у него всякий смысл и интерес к жизни. У Людмилы денег

не выпросить, а мотоцикл ремонтировать надо. Знать бы ей, сколько он денег на его ремонт потратил, она бы сожгла этот мотоцикл и на развод подала. То, что она так бы поступила, в этом не было никакого сомнения. Он однажды уже предлагал: давай фотоаппарат купим. Людмила стала считать, загибая пальцы: «Бачок к нему нужен, увеличитель надо. Ванночки, плёнку, бумагу, проявители разные. Ты эту дурь из головы выброси и не заикайся больше о нём. Тоже мне фотограф нашёлся. Посмотри на себя, в кроличьей шапке три зимы ходишь, на что она похожа, можно подумать, ей полы моют. И хватит подошву на ботинках приклеивать, всё новое покупать надо». Тогда он с ней согласился, что фотографировать дело пустяшное, а затраты действительно большие. А шапку и ботинки неплохо бы сменить.

Одного в семье не хватало для полной гармонии. Михаилу был нужен сын. Ходил бы он с ним на рыбалку, вместе мотоцикл ремонтировали и гоняли бы на нём по посёлку, обучил бы он его всему, что сам умеет делать. Но второй раз Людмиле забеременеть не получалось. Врачи поставили диагноз: спайки. Советовали ехать на курорт, лечиться грязями. Но как ехать, на что? Времена прошли, когда на курорты ездили по профсоюзным путёвкам. Из года в год всё это откладывалось на потом, и лечилась она, чем могла. Дочь тоже просила братика или сестричку.

Сама Людмила росла в семье вторым и последним ребёнком, познала она радость и внимание, старшая сестра Валентина была ей нянькой и в какой-то степени учительницей, ещё до школы научила её читать и писать. Может, у сестры это в дальнейшем и повлияло на выбор профессии: она окончила педагогическое училище и стала преподавателем начальных классов. В общем, в детстве часть родительской заботы взяла на себя старшая сестра. Сестре это было не в тягость, но порой досадно, хотелось со сверстниками пойти куда-то, а тут эта малышка, которую с собой не всегда возмёшь и дома одну не оставишь, мать с отцом на работе. Было и такое – за непослушание получала Людмила подзатыльники, но всё равно самым любимым человеком после матери была для неё старшая сестра. Единственное, что не нравилось ей как второму ребёнку, так это донашивать за сестрой одежду. Даже когда была маленькой, ей уже было безразлично, что на ней надето, ей даже хотелось походить на старшую сестру. Она залазила в её цигейковую шубу и крутилась перед зеркалом, подражая ей, но с возрастом появились обиды, когда мать перешивала на неё платья и кофты Валентины и ту самую цигейковую шубу. Для себя она вынесла из детства – если в её жизни сложится подобная ситуация, она не позволит младшему донашивать вещи старшего. Людмила писала сестре о своём диагнозе, но не для того, чтобы просить её о помощи, а потому что сестра продолжала оставаться для неё близким человеком. Она делилась с ней горем и радостью. Валентине казалось, она умеет читать письма между строк, но, прекрасно всё понимая, предложить материальную помощь не могла, просто не имела средств на это. Всё-таки есть своя семья, две девки растут, а муж два года как в лагере, и ещё год сидеть. Как выражалась Валентина, его греть надо, это значит, мешок с провиантом ему отправлять. Мать хворающая на её попечение, с пенсии даёт ей какие-то гроши, а остальное, как она говорит, на смерть откладывает.

Вот тянется Валентина, как может. Благо, девки у неё работающие, на дом работу берут. Им с завода разноцветные провода привозят, а они их в жгуты по несколько штук скручивают и обратно на завод возвращают. Работа на вид вроде копеечная, и пальцы от неё болят, но если её целыми ворохами изготавливать, неплохие деньжонки получаются.

Мать была строга с дочерьми; очевидно, сказывалась усталость после работы, да и характер у неё не сахар. «Людка, едрит твою мать, опять игрушки по полу разбросала», – такой матерной фразой она частенько крыла дочерей и мужа, их отца. Отец работал шофёром и уходил в гараж рано утром, когда девчонки ещё спали, забирал с собой с вечера приготовленный пакет с едой, это был его обед, который ему собирала мама. Заворачивала она в газету порезанные полбулки хлеба, два-три варёных вкрутую яйца, сало солёное с чесноком. К пакету

прилагалась ещё бутылка молока. Может, обеденный час заставлял его в дороге, далеко от столовой, или питаться так ему больше нравилось? Людмила не задавалась таким вопросом...

Возвращался отец с работы всегда поздно, такая уж шоферская доля, и сразу же начиналась процедура умывания. В Людмилины обязанности входило лить отцу тёплую воду на руки и шею. Хоть отец и пользовался хозяйственным мылом, в глубоких узорах на руках и под ногтями оставались чёрные полоски, они, наверное, были вечными. Другими его руки не были никогда. Пахло от отца папиросами и его машиной, но тогда Людмиле казалось, что это машина пахнет папой. Вот только в воскресенье отец с утра источал аромат тройного одеколona. Он, побрившись опасной бритвой, наливал в согнутую ладонь солидную порцию этого зелья и умывался им. Лицо от этого на какое-то время становилось пунцовым, будто ошпаренным. Непосредственно воспитанием дочерей отец не занимался, да когда ему было, с утра до ночи на работе. Девчонки любили воскресенье, когда семья в полном сборе была дома. Мать жарила на большой сковороде крупные полосатые семечки, от запаха которых сводило скулы, высыпала их горячими на разостланную на столе газету. Все, усевшись друг против друга, начинали их лузгать, сплевывая шелуху на пол. Было интересно, когда мать или отец рассказывали о своём детстве. Глядя на них, Людмила с трудом могла поверить, что когда-то родители были такими же маленькими и смешными, как она. Вот так за воскресенье пару сковородок семечек и сощёлкивали. Семечки – это такая зараза, от которой невозможно отвязаться, они лузгались до тех пор, пока не начинал болеть язык. После этого сестра брала веник и сметала всю шелуху, получалась кучка размером с муравейник. Затем собирала шелуху на совок и высыпала всё в печку.

Ещё приятные воспоминания, связанные с отцом, это когда он приезжал домой на своём «газончике». Людмила бежала к машине и просила отца покатасть её. Иногда отец соглашался, но далеко не возил, до магазина и обратно. Она просила его хоть бы разок взять с собой на работу. У отца была веская причина отказать ей – в кабине с отцом весь день ездил экспедитор. Людмила мечтала: вырасту большой, буду работать экспедитором. Вот тогда накатаюсь в кабине досыта, даже по воскресеньям на работу ходить буду. Отец умер, когда она училась в третьем классе. Желудок у него болел, видно, еда всухомятку свела его в могилу раньше времени. И Людмила захотела стать врачом и вылечить всех больных, чтобы больше никто и никогда у неё не умер. Она воплощала свою мечту в жизнь, благо, живой материал был у неё под руками, тренировалась на своей кошке, делала ей уколы игрушечным шприцем. Палочка от мороженого служила скальпелем, которым она её оперировала. Кошка подвергалась принудительному лечению, живот её был перемазан зелёной, а шея и лапки были забинтованы шелковыми лентами из косичек. Мать, глядя на забинтованную кошку, говорила:

– Едри твою мать, как это всё она выдерживает?

Людмила отвечала:

– Мама, я ей обезболивающее поставила.

Мать с Валентиной смеялись. А кошке в самом деле нравилось, как её лечат. Она спокойно переносила лечебные процедуры. С возрастом взгляды на жизнь поменялись, сменились и планы на будущее. Никогда Людмила не думала, что станет почтовым работником, но жизнь внесла свои коррективы, и теперь она принимала и отправляла посылки и бандероли.

Решение принято. Пора воплощать его в жизнь, и Людмила написала заявление на отпуск, на котором начальница, недоумевающая, поставила резолюцию «Не возражаю». А потом спросила:

– Зачем сейчас? Могла бы летом пойти.

– Иду домой – брать Мишку на абордаж, – так она сказала своим коллегам на работе. Слово абордаж, пожалуй, было слишком громким, то, как это получилось, даже нельзя было назвать беседой или уговором.

Людмила, подходя к дому, увидела мужа на крыше, он сбрасывал снег. Увидев жену, Михаил хотел было спуститься ей навстречу: так у них уж было заведено, ели они всегда вместе. Нехитрый ужин приготавливался ещё в обед, но тут его Людмила придержала:

- Покидай снега ещё чуток, я пока котлеток пожарю. Ты с каким гарниром хочешь?
- Обычно ели то, что дают, в меню не заглядывали, а тут на тебе, всё, что пожелаешь.
- Да мне без разницы, хоть с картошкой, хоть с капустой, – ответил Михаил.
- Я тогда, Миша, ещё компот сварю.
- Ну, сварись, так вари, – ответил что-то заподозривший Михаил.

Людмила скрылась в доме, а Михаил ещё часа полтора сбрасывал снег. Делал он это аккуратно. Широкой лопатой из фанеры, нарезая снег на квадраты, словно резал торт, Михаил размышлял. Что-то тут не то. А вот что не то, так и не смог догадаться. Он спустился с крыши, когда его Людмила необычно любезно пригласила к ужину. На столе были котлеты с его любимой гречкой. Компот был налит в стаканы с подстаканниками, а не как всегда – в эмалированные кружки.

Ну, прям, как на Первое мая. Любопытно, чем это всё закончится? Какой будет разгадка? И задал вопрос:

Какой нынче праздник?

В отпуск меня выгнали, летом хотелось пойти, а начальница мне говорит, график у неё. Сама не знаю, что теперь делать? Может, побелкой заняться?

Михаил чуть не подавился. Для него самой страшной в жизни из всех работ по дому была побелка. Нужно было двигать всю мебель, вытаскивать шмотки во двор, и, поскольку Людмила не имела малярного навыка, у неё известь на стенах и потолке оставляла полосы, всё время приходилось перебеливать на несколько раз. Пол бывал заляпан известью, как будто его белили специально. На две комнаты, кухню и коридорчик в лучшем случае уходило дня три. Эти три дня приходилось спать, где попало, и есть, где придется.

Грустная Людмила достала письмо и стала читать его вслух. Михаил слушал, о чём пишет Валентина, и ел без всякого аппетита. Закончив читать, Людмила низко склонила голову и дрожащим голосом произнесла:

- Прям, не знаю, что и делать?
- Тут и знать нечего, езжай к ним, проведай! – моментально выпалил Михаил.
- Да ну, Миш, сколько ж денег на дорогу надо, да и как я Светку с тобой оставлю, она же без моего присмотра не сможет.
- Ты её с собой возьми. Пусть раз в жизни на свою бабушку посмотрит и сестёр двоюродных увидит, – размахивая вилкой, сказал Михаил.

Светлана закричала:

- Мама, я хочу с тобой на поезде к бабушке!
- Ладно, не выдумывайте, давайте я вам лучше ещё котлеток подложу.

Светланка затопала ногами:

- Мама, поедем к тёте Вале!

Михаил произнёс своё веское слово:

- Езжайте вместе.
- Как же ты один, без нас, целую неделю жить будешь? – не поднимая опущенной головы, спросила Людмила.

- Мне не привыкать. Проживу. Не маленький.

«Когда же это он успел привыкнуть? – подумала Людмила. – До женитьбы жил с родителями. За одиннадцать лет, прожитых вместе, ни на один день никогда не расставались, если не считать родильного дома, в котором она пробыла как раз неделю. Да и то видела его под окнами каждый день, и жил он тогда у матери».

Людмила подняла грустное лицо, посмотрела на своих домочадцев:

– Ну что ж. Если вы так настаиваете, – и спросила у дочери: – Когда у тебя каникулы начинаются?

– Через два дня, мам! – почти закричала от радости дочь.

– Ладно, схожу завтра на станцию, узнаю, когда поезд, ведь и билетов может не быть.

– Ты сегодня сходи, ещё успеешь, касса допоздна работает, – посоветовал Михаил.

– И то правда, – снова тяжело вздохнула довольная собой Людмила, взяв уже заранее приготовленные свой паспорт и свидетельство о рождении дочери, поспешила на станцию. После её ухода Михаил щёлкнул пальцами, вот только что вслух не сказал: «Ловко я её спровадил».

Половину следующего дня Людмила моталась по магазинам, приобретая подарки. На одежде решила не заикливаться. Потому как размеров своих племянниц она не знала, взяла обеим духи не дешёвые и не дорогие, в общем, для девок – малолеток в самый раз. Валентине она купила то, о чём сама мечтала, но позволить пока себе не могла и откладывала на потом, на когда-нибудь – австрийский уют в прозрачном корпусе. За маминым подарком пришлось идти в аптеку, там уже давно Людмила заприметила огромную электрическую грелку, по форме как валенок, сразу для согрева обеих ног. В дорогу приготовила традиционные блюда: сварила курицу и нажарила пирогов с повидлом. Ехать-то всего восемнадцать часов. Будем чай пить с пирогами да в окно глядеть.

Михаил в день отъезда отпросился с работы, там препятствовать не стали, отнеслись с пониманием, проводить жену – святое дело. Почти всю предыдущую ночь и всё утро он выслушивал инструктаж, где что лежит, чего есть и пить, а чего не пить, кого в дом не пускать и во сколько ложиться спать. Три свежих рубашки на смену она повесила на видное место. Михаил запротестовал – зачем три, у меня одна рубаха от бани до бани. На неделю едете, а как будто на полгода смотаться решили.

Спорить с Людмилой было бесполезно, и Михаил на её наставления только кивал и с нетерпением ждал, когда же они сядут в поезд. Большого загула он, конечно, не планировал, но расслабуху себе учинить хотел. Но недооценил он жену. Людмила предупредила соседскую бабушку держать мужа под контролем, навещать их дом два раза за вечер и Мишке сказала, только попробуй не открыть ей дверь. А вот когда в поезд садилась, испытала какое-то новое чувство, глянула на мужа и слёзы заблестели на её глазах.

Всё, кажется, предусмотрела Людмила перед отъездом, одного не учла: не заглянула в сумку дочери, а там – альбом для рисования, ещё в прошлом году весь изрисованный, в нём три пятёрки учительницей поставлены. Ясное дело – хвалиться своими оценками решила. Дневник вот с тройками не взяла. Кроме альбома в сумке у дочери Людмила обнаружила пластилин, шашки и игрушки, замусоленные, ещё те, которые с детского сада остались, вот досада, выбросить жалко и везти стыдно, что сестра скажет? Зачем хлама навезли?

– Отшлёпала бы тебя, Светка, за это, да в поезде как-то стыдно, вот вернёмся домой, будут тебе тумачи. Придется, наверное, твою сумку на вокзале сдать в камеру хранения, чтоб не позориться.

– Ладно, мама, сдадим, – согласилась с ней дочь.

– Сдадим, сдадим, это ведь денег стоит, бесплатно её никто не возьмёт. Ну, ничего, будешь у меня за это без мороженого.

Они ехали и пили чай с пирожками, смотрели в окно. Людмила представляла себе, как завтра она пройдёт по своей улице, увидит соседей, конечно, узнает всех, навестит подруг. Представила себе встречу с мамой, и как с сестрой они лягут спать вместе на большую кровать и будут разговаривать с ней почти до рассвета. От этих представлений становилось у неё на душе тепло и уютно. К их чаепитию присоединились соседи с верхних полок, стали знакомиться и разговорились. Оказалось, супружеская пара ехала от сына из войсковой части. Проводывали сына, тот отслужил полгода, домой писал, что у него всё хорошо, но вот неделю назад приснился матери страшный сон, будто война идёт, лежит её Серёженька раненый и смеётся,

красная кровь по погонам течёт. Проснулась она – и к соседке, та сны всегда всем разгадывала. Истолковала она так: если кровь на обоих плечах, значит, худо ему, домой он к родным просится – последний раз на мать с отцом посмотреть, а если ещё смеётся, то, пожалуй, не видать вам больше его. Прибежала мать домой и мужу говорит:

– Ты как хочешь, а я к нему еду.

Муж поддержал её, так как знал, что материнское сердце вещун, и сам собрался с ней. Приехали они в часть и сразу к командиру, за грудки его схватили – почему он их не известил о гибели сына?! Мать глаза ему готова была выцарапать. Командир кое-как отбил от них, попросил успокоиться, рассказать всё толком. Выслушав их, позвонил он в казарму и вызвал прапорщика.

– Сейчас придёт его непосредственный командир и расскажет, как погиб ваш сын, он был всему свидетель, – а сам сел за стол и закрыл лицо руками, у самого плечи вздрагивают. – Действительно, – говорит, – материнское сердце не проведёшь.

– Постучали в дверь, вошёл прапорщик, мужик лет сорока, подтянутый такой, и доложил:

– Прапорщик Пасько по вашему приказанию прибыл.

Командир так сурово глянул на него:

– Доложите, прапорщик, что произошло в прошлое воскресенье с рядовым Даниловым.

– А прапорщик сделал каменное лицо и говорит:

– Рядовому Данилову было присвоено звание ефрейтор.

– Где сейчас ефрейтор Данилов? – спросил командир.

– Дневальный в казарме у тумбочки.

– Так вот, Пасько, помоги его родителям устроиться в гостиницу, а ефрейтору Данилову дай увольнение в город на двое суток.

Что там в кабинете у командира было! Родители Данилова чуть со стыда не сгорели, со слезами просили прощения и обещали ему такое устроить соседке за разгаданный сон, что она навсегда забудет, как мозги людям запудривать.

С сыном они встретились и жили с ним в гостинице два дня. Прапорщик им сон истолковал по-своему: если кровь на плечах, значит, ему на погон соплю повесили, лычку значит.

Людмила не знала, смеяться ей, сочувствовать им или удивляться. Какие только оказии с людьми не случаются! Чаепитие ещё не закончилось, как на очередной станции в вагон вошла цыганка с огромной сумкой и пуховыми шальями через руку. Идя по проходу, она предлагала купить у неё недорого качественный товар: паутинки, платки и шали из козьего пуха. Никто из пассажиров не изъявлял желания даже смотреть на разрекламированные изделия коробейницы. Цыганка, по-видимому, потеряв всякую надежду на успех коммерческой операции, решила действовать более напористо. Она поставила сумку как раз в проходе, где были места Людмилы с дочерью, и стала расстилать перед ними шали, приговаривая: «Смотрите, девочки, какая красота, возьмите, если хоть не себе, так кому-нибудь на подарок». Самую большую шаль она накинула на Светланину сумку, а сама стала трясти тонкой белой паутинкой, доказывая всем, что это чистейший козий пух, который свободно проходит через обручальное кольцо, и она была готова поклясться своими детьми, что это действительно так. Людмила покупать ничего не собиралась и соседка тоже. Они сказали цыганке, что зима кончилась, пора думать о летней одежде. Цыганка тяжело вздохнула и стала собирать товар в свой баул и вместе с большой шалью прихватила незаметно для окружающих Светланину сумку с замусоленными игрушками, альбомом с единственными тремя пятёрками, шашками и пластилином. Больше нигде не задерживаясь, поспешила на выход. Сумку хватились часа через два, когда Светлана предложила соседям сыграть с ней в шашки. Бегать за цыганкой по вагонам не было смысла, она наверняка орудовала уже в другом поезде. Сначала все негодовали и возмущались, почти каждый проверил свой багаж и карманы. И, облегчённо вздохнув, с сочувствием говорили:

– Надо же такому случиться

А потом Людмила хохотала:

– Цыганка ведь не знала, что в сумке, она, может, даже спрыгнула с поезда на полном ходу. Представляю себе её рожу, как она вынимает из сумки игрушки и рассматривает картинки в Светкином альбоме. Наверное, думает, что это Репин рисовал. Единственное, что мне жаль, так это три пятёрки в этом альбоме. Тебе их, Светка, больше никогда в жизни не получить.

Потом все стали рассказывать по очереди и наперебой криминальные истории, произошедшие когда-то в поезде. Этим самым нагнали на себя такого страха, что для того, чтобы не быть задушенными, зарезанными или обворованными ночью, готовы были не спать или дежурить по очереди. Светлана попросилась у матери спать вместе с ней на одной полке, на что Людмила ответила:

– Ты посмотри на себя, здоровая, как лошадь, завалишься со мной на узенькую лавку, какой тут сон. Одно мученье.

Светлана надулась, легла на своё место и отвернулась от матери. Людмиле стало жаль её и она перебралась к ней, обняла, и так они проспали до утра. Поутру просыпались все одинаково – вначале, убедившись, что они живы, ощупывали свои карманы, осматривали вещи и, довольные тем, что всё в порядке, приступали к завтраку. Их соседи, родители ефрейтора, сходили раньше, им оставалось ехать ещё часа три, но они уже упаковали свой багаж и смотрели в окно, ожидая с нетерпением, когда покажется их станция.

Эти три часа показались им вечностью, за это время они устали так, как будто ехали три дня. Прощались они с Людмилой и Светланой уже как близкие родственники. Записали им свой адрес и приглашали их в гости, а потом, стоя на перроне, долго махали им.

Ну, а через полтора часа должна была быть конечная станция Людмилы. Предвкушая встречу с родными и отчим краем, она просто прилипла к оконному стеклу, родной пейзаж вдохновлял её и уводил в воспоминания. Вот сейчас начнутся картофельные поля, на них три года подряд возили всё её производство на уборку, тут она и познакомилась со своим Мишкой. Он тогда служил в армии и их, дембелей, отправили тоже сюда на заготовку картофеля для войсковой части. Михаил заметил её раньше и стал оказывать ей всяческие знаки внимания: то картошку в неё запустит и сделает вид, будто бы не он, или выберет солдата послабее и начинает с ним бороться, обязательно свалит его и смотрит на Людмилу, выпятив грудь, вот, мол, я, дескать, герой какой. А однажды приехали солдаты все в гимнастёрках, а один он в мундире и значков на нём всяких, как будто маршал какой, а бляха на ремне начищена так, аж глаза щиплет. Подошёл он к ней, покраснел, как рак, и говорит:

– Через месяц мне домой, на дембель, не дашь адресок, заеду проститься?

Неожиданным было, конечно, предложение, но приятным. Вытащил Мишка блокнотик и наборную из зубных щеток шариковую ручку:

– Диктуйте, я записываю.

Людмила упираться не стала и продиктовала свой адрес.

Спрятав в карман блокнот, он протянул ей ручку:

– Дарю на память собственноручное изделие.

– На ручке было вырезано «ДЕМБЕЛЬ 90».

С того дня Людмилу больше не отправляли на уборку картофеля, но зато она стала получать каждый день письма из воинской части. В них Михаил писал о себе, о своих планах после службы и о своей мечте – купить мотоцикл, о том, что понравилась ему Люда, и что после их разлуки он не может уснуть, а по ночам пишет ей письма и каждый раз бежит первым в ленинскую комнату, когда туда приносят почту, а, не получив долгожданного письма, готов застрелиться на посту в карауле.

После месяца такой переписки Людмила, придя с работы, сама бежала к почтовому ящику и вечером при свете настольной лампы писала ответ. В своей переписке они посте-

пенно договорились, что будут вместе. Михаил, демобилизовавшись, приехал к ней в мундире, в котором она видела его на картошке, только в дополненном варианте: на плече висел аксельбант, будто бы он служил в посольстве, а не в стройбате. Вся улица таращила на него глаза. Откуда такой гусар взялся, интересовались, может, кавалерист какой.

В тот вечер они поцеловались. Этот поцелуй для обоих был первым, если не считать тот с одноклассником на выпускном вечере, зажавшим её в коридоре, за что и получил по морде. Ей было тогда противно, от него пахло бражкой. А вот с Мишкой ей даже очень понравилось. Погостил он тогда у них пару дней и уехал домой, пообещав скоро вернуться. Не соврал, приехал, и не один, с отцом. И, слава Богу, не в мундире. Привезли подарки ей с матерью. Людмиле вишнёвые туфли на каблуке с пряжкой, и, что удивительно, они пришлись ей впору. Позже Мишка сознался, что, когда от неё уезжал, вытащил стельку из её тапочка, по ней и туфли подбирал. Будущей теще купили скатерть с кистями и ещё две бутылки шампанского и конфет разных целую кучу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.